

Алёна Бессонова

Сказки-почемушки
из Тимошкиного
сундучка

Алёна Бессонова

**Сказки-почемучки из
Тимошкиного сундучка.
Сборник сказок**

«Издательские решения»

Бессонова А.

Сказки-почемучки из Тимошкиного сундучка. Сборник сказок /
А. Бессонова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-742031-4

Жила-была девочка шести лет, звали её Василисой, а по-маминому Васюшкой. Мама, то есть я, иногда называла её Мошкой, Мошкой-прилипалой. Почему? Потому что часто приставала с вопросами, а часто — это всегда. Сказки в этой книжке отвечают на некоторые вопросы таких же Мошек-прилипал, как и Васюшка. Слетайтесь, ребятки, на свет сказок, они вам понравятся. Моей Васюшке нравятся! Мне, кстати, тоже...

ISBN 978-5-44-742031-4

© Бессонова А.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая. Почемучкины сказки	6
Почему медведь спит зимой?	6
Кто и почему не стал королём зверей?	9
Почему страусы не умеют летать?	13
Почему птица клёст выводит птенцов зимой?	16
Почему у жирафа длинная шея?	18
Почему золотая рыбка не хотела быть золотой?	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Сказки-почемучки из Тимошкиного сундучка Сборник сказок

Алёна Бессонова

Иллюстратор Алёна (Елена) Бессонова

© Алёна Бессонова, 2018

© Алёна (Елена) Бессонова, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4474-2031-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. Почемучкины сказки

Почему медведь спит зимой?

В то время, когда медведь ещё не спал зимой, он шатался по лесу. Шатался неприкаянный, злой, нечѣсанный, голодный. Зимой в лесу медведю трудно. Ни тебе ягоды, ни мѣду. Кедровые орешки, конечно, под снегом лежат – иди, ищи. Только пока ползаешь, спину сорвѣшь. Мясцом тоже можно разжиться. Но его ещё догнать надобно. А как догнать, когда сил с голодухи нет? Вот голод и растѣт внутри медведя, пухнет день ото дня. К середине зимы ничего в медведе не остаѣтся, кроме желанія накормить свой голод.

Однажды, непогожим днѣм, (а в эту пору у медведя все дни непогожие) наткнулся косолапый на двух ребятишек – девочку и мальчика. Прыгали дети рядом с рябиной. Она одна в лесу среди белых снеговых одеял красными ягодами разукрасилась – вот мол, посмотрите какая я модница, красавица! Медведь ягоды рябины не любил – горьковата, кисловата. Изжога после неё до самой весны горло жарит, хоть криком кричи! Ничто не поможет. А ребятки ему понравились – полненькие плотненькие. Вообще-то, медведь людей не ел, остерегался. Человек человеку рознь. Такой может попасться любитель медвежатины, сам тобою отобедает – не поперхнѣтся. Но голод не тѣтка с ним не договоришься. В лихую несытую зиму на кого угодно, без разбору, бросишься, лишь бы голод утешить!

Присел медведь подле небольшой елочки, прислушиваться стал, присматриваться – нет ли рядом грозного родителя детишек с рогатиной, или того хуже, с ружьѣм. А детки тем временем вокруг рябины бегали, ягоды собирали и между собой переговаривались:

– Ой! – звенела колокольчивым голосом девочка, – я каждую ночь говорю: «Сон Самсон присни мне сон, да чтоб красивый, приятный и цветной, чтобы эльфы летали, чтобы кони скакали и котят мяукали!»

– И что, снят тебе сон, Сон Самсон? – басовитым голосом спросил мальчик.

– Снят! – звякнула девочка, укладывая очередную гроздь рябины в корзинку. – Ещё, как снят!

– Что сегодня приснил? – спросил мальчик, пытаясь, подтянуть к себе толстую ветку. На ней притулилась горка рябины, все ягодки которой, были одеты в снеговые шапочки.

– Сегодня приснил озеро. Кра-си-вое! Лесное, – девочка зажмурилась от удовольствия. – На озере цапли цапелюшек выводят, кувшинки кувшинчики на волне качают. Журавли ходят

важно, длинные ноги в коленях то складывают, то распрямляют, а рыбы над ними смеются. Там хи-хи, здесь хи-хи, будто струны бренчат...

– Ух ты, – подумал медведь, – Мне бы на то озеро попасть. Уж я бы рыбы наловил! Уж я бы наелся...

– А дальше что? – нетерпеливо спросил мальчик.

– Дальше русалки из омутов вынырнули. Танцы на воде устроили, ныряния акробатические показывали, рыбками жонглировали. Ух, и потеха была!

Медведь за ёлкой на пенёк присел, лапой косматую башку подпёр, представил, как рыбки над водой летают, и все ему прямо в рот. Представил, и есть, почти, расхотел.

– Ничего себе, – подумал медведь, – Я даже с пенёка не встал, никуда не лез, ни за кем не гонялся, а голод скукожился. В маленький шарик превратился, и где-то внутри спрятался. Что это со мной? Заспал, наверное?

Дети к тому времени полные корзинки рябины набрали, собрались уходить. Тут медведь спохватился. Обед уходит! Вывалился из-за елки кубарем, прямо под ноги ребятам угодил.

– Ой-ой-ой! – закричала девочка от ужаса.

– Ай-ай-ай! – забасил мальчик от неожиданности.

– Да, не орите вы! – шикнул на них медведь. – Не буду, я вас есть, передумал я!

Дети застыли в ожидании.

– Но при одном условии...

– Если она, – медведь указал коготком на девочку, – научит меня смотреть сны.

– Ну, это проще простого, – осмелела девчушка. – Забираешься в сугроб, поудобнее пристраиваешься, лапу под щёку подкладываешь, присказку говоришь: «Сон Самсон присни мне сон, да чтоб красивый, приятный и цветной. Чтобы эльфы летали, чтобы кони скакали и котята мяукали!»

– Зачем мне про коней и котят? – заворчал медведь. – Кони бегают быстро, а котята малы. Их штук тридцать проглотить надо, чтобы насытиться. А я не живодёр! Мне котят жалко. Хочу сон про медок, и про орешки.

– Ну, тогда так, – деловито сказала девочка, – Чтобы бочки медовые стояли и орешки прямо в рот попадали. Так подойдёт?

– Так подойдёт! – медведь зажмурился, попытался представить, как всё будет. Представил и спохватился, – Только пчёл кусачих в этом сне не надо, пусть они в других снах кусаются...

– Пусть! – хором согласились дети.

– Давайте ваши корзинки, – миролюбиво сказал медведь. – Чтоб никто не обидел, доведу вас до кромки леса. Дальше сами доберётесь. Там до людского жилья недалеко.

Проводив ребят, медведь отыскал в глухом уголке леса самый большой сугроб, залез в него и улёгся. Только голову на лапу пристроил, только глаза закрыл, только присказку сказал – тут диво и началось.

Оказался медведь вовсе и не в лесу, а в белом поле. И поле то было не совсем ровное, а кое-где небольшими ледяными горками взбугривалось. Но не это удивило медведя, медведя удивило НЕБО! В нём, ни за что не цепляясь, висела разноцветная гирлянда из множества лампочек. Они сияли так ярко и празднично, что медведь рассмеялся. Он смеялся первый раз в жизни, громко разухабисто, как паровозный гудок при въезде в туннель. Лампочки, слышав смех медведя, стали ему подмигивать. Потом выстроились в хоровод и закружили косолапого в пёстром вихре танца. Танцевал медведь тоже первый раз в жизни – ему понравилось. Устав, плюхнулся лесной зверь на хвост и завалился на спину. Над ним сияло небо и чьи-то большие голубые глаза. В этих глазах горело столько любви и нежности, что медведь зажмурился от счастья.

Когда он, наконец, открыл глаза и присмотрелся, то увидел над собой Большую Медведицу.

– Как хорошо ты смеёшься, – сказала она. – Как хорошо ты танцуешь, какой ты красивый. Я, кажется, в тебя влюбилась...

– И я в тебя, – прошептал медведь. – Что это на небе?

– Северное сияние, глупый, – с ещё большей нежностью произнесла медведица и погладила его лапой по бурой башке.

– Мамочка, какой прекрасный сон, – подумал медведь и проснулся. – Мамочка! – удивился соня, – неужто я до весны доспал?!

Рядом с ним шелестели листьями деревья, прыгали по веткам сосен белки, жук-олень закапывался в прошлогоднюю листву. Прямо у носа вкусно пах большой белый гриб – боровик.

Медведь сгрёб боровик лапой и сунул его в рот. Лениво пожёвывая, он вспоминал прекрасный сон. Ему не хотелось вставать, и он попытался зажмуриться, чтобы опять заснуть, но не смог. Медведи весной не спят. Ночью, лёжа на том же месте, медведь увидел в небе созвездие Большой Медведицы. Только далеко оно было, на небе. Тянись – не дотянешься... Медведица подмигнула ему звёздочкой:

– Вставай, лежебока. Хватит валяться! Зимой мы обязательно встретимся в твоём сне. Потерпи немножко.

– Сколько немножко? – грустно спросил медведь.

– Всего-то капельку весны, крошечку лета и чуточку осени.

– Ладно, – успокаиваясь, прошептал медведь, – капельку, крошечку и чуточку потерплю.

Теперь понятно, почему медведи спят зимой? И, кстати, вы заметили, он ни разу не вспомнил, ни о бочках с мёдом, ни о кедровых орешках. А всё почему? Потому, что мечтал... Говорят мечтами сыт не будешь, а по-моему, врут...

Кто и почему не стал королём зверей?

В приёмной царя зверей Льва наблюдалась суматоха и неразбериха. Звери толпились возле двери, рычали друг на друга, махали лапами и хвостами, пытаясь пробиться к владыке без очереди.

– Да пустите же меня к цалю! – кричала Цапля и пыталась всунуть головёнку в приоткрытую дверь.

– Цаль, а цаль, ты где! Калаул! Полноплавную глажданку фауны к цалю не пускают! Калаул-л-л!

– Пустите её! – устало произнёс царь зверей – Лев, – в голове от её крика звенит...

– Не положено Ваше Величество, – строго сказал главный придворный церемониймейстер бурый медведь Кадо. – Есть порядок – запись на приём. Цапля лезет вне очереди, непорядок!

– Не полядок, меня, к цалю не пускать! – кричала голова Цапли. – Дело не терпящее отлагательства, жизненно важное дело!

– Ладно, проходи, если жизненно-важное, – обречённо махнул лапой медведь Кадо. – Что у тебя? Излагай неторопливо – царь устал. Ты у него сегодня двадцать пятая жалобщица.

– Жулавль говолит у него самые длинные ноги, – возмущаясь, выкрикнула Цапля, перед тем как бухнуться на колени. – Скажи ему цаль, пусть не врёт! Самые длинные ноги у меня!

– Ах ты, бесстыжая! – возмутился медведь Кадо, – это ты считаешь жизненно важным вопросом? У тебя не ноги, у тебя самый длинный язык...

– Как это?! – из щёлочки в двери показалась недовольная мордочка Хамелеона, – у меня самый длинный язык! Видал, видал, какой у меня язык?

Хамелеон попытался лизнуть длиннющим языком лапу медведю, но тот проворно отскочил в сторону.

– Куда лезешь?! – отталкивая недовольного Хамелеона, в царскую палату ворвались Крольчиха и Зайчиха, – наша очередь царю — Льву жаловаться!

Лев поджав под себя задние лапы, передними закрыл уши и зажмурил глаза:

– Гони их всех, Кадо! Нет больше моей мочи слушать их жалобы и разбираться в их сплетнях.

– Нет уж, нет уж! – заверещали Крольчиха с Зайчихой, – раз мы сюда пробились, придётся тебе царь нас выслушать.

– Соблаговоли царь выслушать, – как можно мягче попросил медведь Кадо, – на сегодня они последние, по записи идут. Остальной, неотмеченный в списке, звериный народец я прогону. Говорите. Что надо?

Крольчиха, с Зайчихой перебивая друг друга, пихаясь и царапаясь, захлёбываясь, от негодования собственными слюнками, поведали царю – Льву о том, что в таёжном лесу, в том, что за две тысячи вёрст отсюда, местной лесной администрацией проводился конкурс на самую косоглазую красавицу. Выиграли конкурс обе и Зайчиха, и Крольчиха и теперь не могут решить, как будут носить корону королевы красоты: то ли день через день, то ли два через два, то ли три через три дня.

– Прикажи царь, пусть нам дадут вторую корону, – рыдала Зайчиха, – мы друг дружку переубиваем, но не договоримся. Посмотри царь на неё, какая она косоглазая, она косорылая. За что ей титул красавицы присвоили?

– Я косорылой стала после того, как ты мне лапой передний зуб выбила, – завопила Крольчиха, – красоте моей позавидовала, негодница!

– Всё-ё-ё-ё-ё-ё! – зарычал лев и встал на дыбы, – Созывай, Кадо, большой совет на поляне митингов и демонстраций буду от царства отказываться. Надоело каждый день трещоток и ревунгов слушать. Воли хочу! В прерии...

На другой день поляна митингов и демонстраций была забита представителями фауны со всего мира. Шутка ли, царь зверей от царства отказывается, когда такое ещё увидишь? Лев поднялся на большую скалу Советов и прорычал:

– Прошу меня переизбрать, по причине зверской усталости, переходящей в полное изнеможение. Не хочу быть царём, хочу быть рядовым зверем. – Из одного глаза Льва выкатилась крупная слеза, второй глаз зорко наблюдал за реакцией собравшихся.

– Кого предлагаешь вместо себя, – тут же поинтересовался Жираф. Он недолюбливал льва.

– Да хотя бы тигра, – недовольно рыкнул Лев, – лучшей кандидатуры на своё место придумать не могу.

– Тигр не пройдёт, – задумчиво произнёс медведь Кадо, – тигр-одиночка, рыщет сам по себе. В коллективе не живёт. Уйдёт в тайгу, ищи его свищи. А вдруг неотложные государственные вопросы нужно будет решать, тогда как? Лев, может, ты ещё подумаешь?!

– Не-не-не-не! – замахал лапой Лев, – решил, ухожу. Тогда пусть будет слон. Он большой...

– Ага-ага! – запищало что-то из-под коряги, – Слон ходит, под ноги не смотрит, вчера меня чуть не раздавил. Что это за царь, который своих подданных десятками давит! Не пойдёт!

– Лев, может, ты ещё подумаешь?! – опять загудел медведь Кадо.

– Не-не-не-не! – замахал лапой Лев, – решил – ухожу. Тогда пусть будет крокодил. Он и под водой живёт и на суше. Даже я его иногда боюсь.

– Ой, не могу, умора! – засмеялся большой океанский Кит, – чтобы мною командовало зелёное болотное полено? С ума, что ли, посходили?

Медведь Кадо почесал в нерешительности лапой затылок и спросил:

– Лев, может, ты ещё подумаешь?!

– Не-не-не-не! – замахал лапой Лев, – решил – ухожу. Тогда пусть будет...

– Всё! – ухнула с еловой ветки старая Сова, – гадать больше не будем, будем делать себе царя сами. Тащите волки большую коробку, что под малиновым кустом прошлогодние туристы оставили. Будем в коробку складывать то, что каждый из вас хочет видеть в царя зверей. Вот ты, барышня-пантера, что во владыке больше ценишь?

– Когти! – вальяжно потягиваясь, промолвила Пантера, и бросила в коробку когти.

– Одобряем когти? – спросила старая Сова – Когти есть почти у всех...

– Одобряем, одобряем, одо-о-обряем... – пронёсся гул по верхушкам деревьев.

– Когти не у всех, – недовольно шипя, вылезла из лужи Выдра, и без спроса, бросила в коробку лапчатые перепонки.

– Ну, ты, Выдра, даёшь! – возмутился Верблюд, – что же теперь у нашего царя будут лапы с когтями и перепонками для плавания? Как ты это представляешь?

Представители фауны не на шутку заволновались, а Выдра нырнула в лужу и была такова. Под шумок отличился Петух, он тихонечко подобрался к коробке и засунул туда шпоры:

– Пусть у царя будет хоть что-то и от нас, – подумал Петух и также тихо исчез с поляны.

– Что наш царь носить будет? Меха, перо или рыбью чешую. – Строго спросила Сова.

– Перо в воде чувствует себя плохо, – деловито произнёс Бобёр, – а мех везде хорош. Бросай Сова в коробку меха.

– Да! – согласился Овцебык, – Меха это красиво, мех это тепло, мех это бо-га-то, наконец!

Над поляной митингов и демонстраций появился косяк перелётных уток-крякв.

– Ну вот! – закручинилась старая Сова, – до совещались! Осень наступает. Так и снега дожждёмся. Многим нашим делегатам холод и снег противопоказан – замёрзнут. Шевелите мозгами быстрее...

Собравшиеся подняли головы и с грустью посмотрели на пролетающих уток. Ведущая кряква приветливо помахала крыльями и «что-то» кинула вниз, это что-то попало прямо в коробку, стоящую в центре поляны.

– Ой! – воскликнула Лама, – она что-то бросила в коробку?

– Да, ладно, потом посмотрим! – отмахнулась Корова. – Давайте быстрее собирать царя. Мне на вечернюю дойку идти надо. Вымя распирает!

– Итак, продолжим, – громко ухнула Сова, – На повестке дня – хвост! Каким будем делать хвост?

– Давайте, как у меня! – выгнулась дугой Лиса, – где вы лучше найдёте?

– У меня лучше найдёте, – передразнивая Лису, выгнул спину Соболь.

– Ну, допустим – твой лучше, – обиженно согласилась Лиса, – а у меня длиннее...

– Мы царя делаем или дворника? Царю двор хвостом не мести, – съязвил Песец, – мой хвост отнюдь не плох, но я же не выпячиваюсь.

– Хвост должен быть деловым, – произнёс медведь Кадо, произнёс и задумался. Над поляной митингов и демонстраций повисла тишина. Когда медведь задумывался, никто не осмеливался ему мешать – себе дороже!

После долгой паузы Кадо сказал:

– Хвост не должен быть просто верёвкой с кисточкой на конце, хвост должен быть орудием нападения и защиты, рулём при плавании и хранилищем жира на случай голодной зимы. Идеальный хвост у бобра. Пусть у нашего царя будет такой же. Кто, против?

Медведь обвёл внимательным взглядом ряды делегатов от фауны и увидел – против все, кроме бобра. Почесав, лапой загривок изрёк:

– Молчание – знак согласия. Бросай Бобёр хвост в коробку!

Бобёр думал недолго, бросил и сразу попал.

– Ох, ты! – завистливо пропищал Крот, и не с кем не советуясь, бросил в коробку защёчные мешочки, – пусть будут. На случай голодной зимы, ещё один запас царю зверей не помешает.

За такую самостоятельность он был награждён пинком под зад от главного придворного церемониймейстера, бурого медведя Кадо.

– Теперь – главный вопрос, – провозгласила старая Сова, – добрый он будет или злой?

– Добрый! Добрый! – зашумела поляна митингов и демонстраций.

– Добрый, но ядовитый, – прошипела Змея и прыснула в коробку порцию яда, – совсем доброго кто-нибудь из вас обязательно сожрёт...

– Всё! – топнул ногой медведь Кадо, – смотрим, что получилось.

Коробку перевернули. Увиденное повергло делегатов от фауны в изумление.

– Ах, негодяйка! – удивлённо воскликнула Лама, – выходит кряква в коробку свой утиный нос бросила...

– Да-а-а! – поперхнулся Кадо, глядя на нового царя зверей, – что получилось, то получилось. Лев, может, ты ещё подумаешь?!

– Ничего себе! – закашлялся лев, и, издав непонятный возглас, уселся себе на хвост. – Я, пожалуй, останусь, раз вы так просите!

– А с этим, что будем делать? – в замешательстве спросила старая Сова.

– Ну что?! – философски изрёк Носорог, – он получился забавный. Пусть живёт!

Так на земле появилось ядовитое животное с утиным носом, бобровым хвостом, петушиными шпорами, перепончатыми лапами, острыми когтями, густым коротким мехом с защёчными мешками под названием – УТКОНОС!

Ещё его называют «улыбкой Бога», до того он потешный и ни на кого не похожий.

И ещё он никогда ни на кого не обижается. Не избрали его царём – ну, и пусть! Теперь, проходя мимо замка царя зверей – Льва, и услышав его разъярённый рык в ответ на очередную жалобу, он хитреньки прищуривает глазки и тихо шепчет:

– Хе-хе-хе! А я могу идти, куда хочу, хоть в прерии!

Почему страусы не умеют летать?

Давайте не будем нарушать законы сказки и начнём новую с известной фразы – «давным-давно»

Итак...

Случилось это давным-давно, можно сказать, давнее – давнего, когда на земле ещё не было людей, а было много гигантских диких животных. Все на планете было большим, таким большим, что можно было пропасть среди деревьев, гор и морей. Животным приходилось быть великанами, чтобы не затеряться. Именно тогда и появилась маленькая птичка под названием..., впрочем, какая разница, как она называлась, всё равно её потом переназвали.

– Как же так, – спросите вы, – только что сказка утверждала, что всё в ту пору было большим, а сейчас вдруг появилась маленькая птичка?

Да, утверждала! И всё равно маленькая птичка *появилась*, иначе, откуда она взялась, если нигде и никогда не появилась?

Птичка была похожа на небольшого индюка, только с длиннющими ногами, густыми пушистыми перьями, маленькой глупой головой, и огромными, как небо, близорукими глазами. В её глазах отражалось всё, что она ими видела и ещё одна мысль, которая всё же уместилась в её голове и которую она, наконец, для себя поняла.

– Я маленькая! Это мне мешает. Каждый может обидеть, раздавить, унижить. Надо как-то изменить мир или измениться самой. С кем бы посоветоваться? – задумалась птичка.

Оглядевшись вокруг, она увидела пасущегося на лугу мамонта. Мамонт – это большущий слон, такой, как три слона вместе, только мохнатый и с двумя огромными бивнями.

– Вот! – подумала птичка, – Какая большая голова у этого Трислона, наверное, умная. И нос длинный, видимо, суёт его везде – значит, много знает, а если даже не знает, то слышал. Эй! – закричала птичка, – Эй, Трислона, ты запомнил всё, что слышал, или, как всегда, мимо ушей пропустил?

Мамонт повернул большущую голову в сторону голосащего, и, не переставая жевать, проронил:

– Кто пищит – не вижу, а раз не вижу, то и отвечать не буду!

– Вот! – зарыдала птичка, – он унижает моё достоинство и никто, ни-и-икто не сделает ему замечание!

Захлёбываясь слезами, она взлетела и приземлилась мамонту на голову.

– Теперь видишь? – спросила птичка, прохаживаясь по лобастой голове Трислона туда-сюда. Затем она постучала лапкой по тому месту, где ходила и забормотала:

– Вот здесь, вот здесь, вот здесь у тебя что-нибудь есть или там пустота, чтобы сквозняк свободно проскакивал из одного уха в другое?

Мамонт, сосредоточившись на ответе, изрёк:

– Там мозг и я им думаю...

– Тогда ответь мне на один вопрос: Как мне стать большой? Такой большой, чтобы меня заметили, услышали и с моим мнением считались?

– Это четыре вопроса, – подумав, ответил мамонт. – Отвечаю по мере уразумения. Чтобы тебя услышали – надо много скандалить, как попугай. Чтобы тебя заметили – надо быть красивой, как попугай. Чтобы с твоим мнением считались – надо быть умной, как попугай. Чтобы быть большой – надо много есть!

– Во! – воскликнула птичка, – последнее мне подходит. В первых трёх вариантах: надо быть, как попугай, но я уже не попугай! А вот есть могу. Чего есть то?

– Да, всё! – прищуривая глаза от удовольствия, сказал мамонт. – Листья, ветки, зерно, травы, жучков, паучков, лягушек...

– Хватит! – завопила в ухо мамонту птичка. – Я столько не съем!

– Тогда не ной, уходи, – рассердился мамонт, – не мешай кушать. Пока я здесь с тобой толковал, на целый сантиметр похудел...

– Ну, и, пожалуйста, – обиделась птичка и полетела на поле туда, куда все древние звери ходили на откорм. Три длинных дня и три длинных ночи, птичка не переставая жевала. На четвёртый день на откорм пришли диплодоки – динозавры с большим, как гора телом и, маленькой с горошину головой. Если у птички в голове помещалась одна мысль – как стать большой. То у диплодочков и эта мысль не помещалась. Голова им нужна было только для того, чтобы в неё есть и из неё бояться. Боялся диплодок всех, потому что любил есть то, что растёт, а не то, что бежит. Зато желающих съесть самого диплодока было предостаточно.

Птичка не стала искушать судьбу, этот ходячий каменный валун, мог раздавить кого угодно. Диплодоки недолго побыли на поле, их спугнул пробежавший мимо гигантский заяц. Как только они убралась восвояси, птичка вернулась назад и продолжила своё занятие.

– Теперь, – решила она. – Я не буду сразу убегать. При резком перемещении все мои труды пропадают даром – я хую, – птичка чуточку подумала и обрадовалась пришедшей в голову второй мысли, – я спрячусь! Зарю голову в землю, авось никто не увидит.

Так и сделала, простояла с зарытой головой долго. Зато, когда голову вынула, первое что увидела, большие удивлённые глаза того самого зайца, что спугнул диплодочков. Заяц оглядел птичку со всех сторон, и изумлённо произнес слово, – Обалдеть! – тут же убраться восвояси.

– Эхма! – восторженно воскликнула птичка, – Надо же, какой эффект! Только начала есть, а уже кое-кто стал бояться!

Проведя в поле много времени и, непрерывно набивая едой желудок, птичка, наконец, ощутила себя не такой уж и маленькой. Она вдруг заметила, что не только заяц, но и другие

не очень крупные животные, с удивлением на неё оборачиваются. Постаралась взлететь, чтобы перебраться на другое пастбище, но не тут-то было, растолстевшее брюхо не пускало, набитый желудок притягивал к земле.

Птичка посмотрела на свои маленькие крылья и пригорюнилась.

– Неприятный сюрприз! – ухмыльнулась она, – крылья как были маленькие, так и остались. Хотя откуда им большим взяться, я в них не ем. Ну и пусть! – решила птичка, – если я буду такой же, как Трислона, меня и так никто не посмеет тронуть.

И с этой успокоившей её мыслью, птица принялась есть дальше. Так как взлететь она уже не могла, то неглядя на окружающий мир, птичка просто шла и ела. Она смотрела на еду и немножко себе под ноги, чтобы не упасть. Проев тропинку, больше похожую на дорогу, птичка уткнулась во что-то круглое, большое и железное. На этом «что-то» лежал огромный кусок жареной яичницы.

– Опаньки! – подумала птичка и с удовольствием приступила и к этой еде.

– Опаньки! – прорычал кто-то над головой обжоры.

Пришлось поднять глаза и присмотреться. Перед птицей был самый быстрый, скоростной динозавр – карнотавр. Именно его яичницу с аппетитом поедала птичка.

– Всё! – подумала обжора, – теперь я его яичница!

– Караул! – закричал карнотавр, – Вора бей!

Но бить было уже некого – птичка убежала.

– Ничего себе! – заметил пасшийся неподалёку, давно знакомый мамонт по прозвищу Трислона, – она бежит быстрее тебя! Обалдеть! И не воробей она вовсе, а верблюд. Видел бы ты, сколько она ест!

– Тьфу! – в сердцах воскликнул карнотавр, – эта «воробей – верблюд» съела всю мою яичницу.

Так на земле появилась птица, не умеющая летать, с длинными и очень быстрыми ногами, огромным телом, и маленькой головой, которую она прячет в песок при малейшей опасности. И называется эта птица «воробей – верблюд», что в переводе на греческий язык – СТРАУС!

Почему птица клѣст выводит птенцов зимой?

Ничего себе вопрос? Вначале давайте выясним, кто такая птица-клѣст? Вы никогда не слышали в сосновых лесах призыв «кип-кип»? Слышали! Ура! Но если вдруг не слышали, то этот призыв исходит, как раз от птицы клѣст. Эта птичка особенная. Живѣт в хвойных лесах, где полно шишек и орехов и ест она только их. История появления клѣста в хвойных лесах необычна.

Давным-давно, когда на Земле не было столько народа, как сейчас, люди жили в пещерах. Мужчины ходили на охоту за дичью, а женщины сидели у костра. Они сторожили огонь, чтобы не погас. Только он спасал всё живое от холода и голода. Сюда, к тёплому костру, слетались разные птицы. Им тоже хотелось погреться. Среди них были: бойкие и тихие, скромные и вѣрткие, добрые и не очень, прелестницы и страшенькие. Они усаживались на ветках деревьев, подставляя свои грудки восходящему потоку тёплого воздуха. Самые смелые подлетали прямо к костру, и не только грелись, но и выпрашивали у хозяйки семечки от подсолнуха. Женщины любили посудачить у огонька, рассказать друг другу новости, посплетничать. Птичья ватага дралась за каждую подаренную им семечку. Гомонили, пихались, горланили.

– Прекратите верещать! – кричали на птиц женщины – подружки. – Ничего не слышно!
– Зачем они тебе? – спрашивали гости у хозяйки. – Гони их прочь!
– Что делать? – оправдывалась хозяйка, – я их не приглашаю – они сами прилетают!
– Их надо пугать! – не унималась соседка. – Испугаются, улетят.
– Пугать, пугать! – ворчала хозяйка, выплёвывая шелуху от семечек. – Попугай, если получится...

Гостя принималась махать руками, кричать. Но всё было без толку, птицы перелетали с одного напуганного места на другое не пуганное. И вновь ждали порцию семечек. Так, на земле появились первые птицы с собственным названием – попугай! Ох, и красавцы они получились: разноцветные, с радужными хохолками на макушках, с клювами особой конструкции. Верхняя часть клюва стремилась навстречу нижней части и встретившись обе половинки клюва отгибались в разные стороны. Такими заковыристыми клювами шишки лущить, и семечки грызть одно удовольствие! Попугаи повисали на ветках головами вниз и наблюдали за болтающими у костра подружками. Очень скоро птицы научились их передразнивать

– Клара, ты прелесь! – говорила одна из них.
– Клар-р-ра, ты пр-р-релесь! – повторял попугай.
– А ты, а ты, ты тоже прелесь! – ворковала другая.
– А т-ты, а т-ты, ты тож-же пр-р-релесь! – повторял попугай.

– Надо же, какие умные птички, – умилялись подружки. – Давай возьмём их в пещеры. Посадим в клетку с жердочкой и мисочкой для еды. Будем каждое утро давать им свежей водички и чищенных зёрнышек.

– А мы вам что? – интересовались птички.

– А вы нам подслушаете, что наши мужья об охоте рассказывают. Ловят кого, или так на солнечном пригорочке нежатся, сны ночные досматривают.

Птицы подумали и согласились.

– Только, чур, пальцами в нас не тыкать и кошек со двора прогнать. А ещё – каждый день в клетке сладости должны лежать...

– Какие такие сладости? – удивились женщины.

– Яблочки, что на дереве у пещеры растут. Морковка, что на огороде цветёт.

– Это, пожалуйста, это сколько хотите, – закивали головами подружки.

Вот так впервые на земле люди приучили свободного попугая к клетке.

Но оказалось, не всех, а только ленивых и трусливых.

Однажды, один растолстевший и обленившийся попугай, спросил своего собрата, прыгающего в поисках пищи по веткам хвойного дерева:

– Почему ты в клетку не идёшь? Здесь еду дают!

– Не хочу быть попрошайкой, – ответил ему попрыгун. – Сам себе еду добуду. В лесу полно шишек.

– Замерзнешь зимой, – попытался испугать его толстун.

– Привыкну, – ответила птица. – Гнездо тёплое сложу. В лесу видимо-невидимо хвойных веточек, стеблей, мха, лишайника и мягких корешков.

– Детки из яиц вылупятся, чем кормить будешь? – продолжал сетовать толстый, – Шишки только к зиме созреют. Птенцы твои от голода помрут в первый же год.

– Не помрут, – ответил упрямец. – Я их высиживать зимой буду.

– Зимо-о-ой! Ой! Ой! – удивился попугай в клетке, – Где это видано, чтобы птицы зимой птенцов высиживали? Привираешь друг, не получится у тебя..

– Получится! – упрямо сказал попрыгун, – закалять их буду. К лету они крепенькими станут. Летать научиться вжик-вжик, быстрее молнии. Свободными родятся, смелыми.

– Не-а не получится, – раздражаясь, затопал лапками в клетке толстун. – Хвастун ты, а не попугай. Всем скажу, как тебя звать – хваст! Хваст, хваст, хваст!

– Ошибаешься дружок, – миролюбиво ответил попрыгун, – вовсе я не хваст.

Он немного подумал и сказал:

– Я клёст! Попугай хвойных лесов. Похож я на тебя, к сожалению. Такой же красный, с короткими ножками, с цепкими коготками. Только цепляться я буду не за хозяйскую клетку, а за кору могучих кедров. И есть буду орешки, а не то что хозяева в миску бросают. Так, что не поминайте лихом, полетел я отсюда.

Так поселилась в наших хвойных лесах несговорчивая птичка-клёст. Главный цвет клёстов красный. Чем старше птица, тем ярче её наряд. Самки зеленовато-серые, красивые! Летают туда-сюда, глаз не поспекает уследить. Птенцов выводят зимой и откармливают прожорливых чад вкуснейшими кедровыми орешками. Только разговаривать клёст перестал. Болтать попусту он не любит. Не принято среди птиц болтать, а с людьми – не хочет. Что они для него хорошего сделали?

Почему у жирафа длинная шея?

В те самые времена, когда жирафов на земле ещё в помине не было, родился у кобылицы, пасшейся в табуне диких степных лошадей, жеребёнок. Табун кочевал по степям к морю и обратно. В степях наедался свежей травой, а в море смывал с себя степную пыль, накачивал мышцы, разрезая грудью морскую волну. Наша кобылица ничем особым от других лошадей не отличалась только иногда, будто замирала или глубоко задумывалась. О чем задумывалась, никто не знает. Со своими подружками не делилась, но они замечали, как восторженно смотрит кобылица на Луну. Смотрит долго, внимательно, как будто хочет что-то особенное там высмотреть. Попытались и подружки также пристально вглядываться в ночное небо, но ничего, кроме белого недожаренного блина, на небосводе не видели. Порой блин превращался в лимонную дольку, другой раз в кусочек сыра, да, и только. Что в этом особенного? Видно, узрела кобылица там то, что другим видеть было не дано.

Когда её первенец, белый, как снежный ком, жеребёнок, появился на свет, кобылица реже стала заглядываться на Луну. Всё больше смотрела в глаза своему сыночку. Смотрела также долго и внимательно. А назвала она его...

Вот вас как зовут? Вот! А его, своего жеребёнка, назвала кобылица Жирафом. Вы верно удивились, как Жирафом? Зачем Жирафом? Жираф, скажите вы – это не имя, а название животного. А вот и нет! Вы забыли, мы в самом начале сказки оговорили, что жирафов в это время на земле в помине не было. Жирафов пока ещё не было, а имя было – Жираф. Лучше чем Жан, или Жак, или Жерар? Помните, как зовут знаменитого французского актёра, который сыграл главную роль в фильме «Астерикс и Обеликс», его зовут Жерар Депардьё, а нашего коня звали Жираф. Восхитительно, правда?!

Жираф рос сильным конём, крепким, стремительным. Вожаки табуна к нему внимательно приглядывались

– Нам смена растёт! Такой конь десятерых стоит. Такой ноздри раздует, гривой встряхнет, копытом о землю грохнет – искры полетят. Никто в табуне не посмеет послушаться. Ещё годочек – два и готов новый вожак для табуна!

Но не тут-то было. Всё повернулось так, что мечтам вожаков сбыться не довелось. Почему? Вот почему...

Однажды в жаркую, душную ночь решил Жираф освежиться в морской волне. Выскочил на берег, а на море штиль, только маленькие волнушки между собой тихо перешёптываются,

чтобы большую волну не разбудить. Впервые в жизни увидел Жираф лунную дорожку. Раньше ночью на море ему быть не доводилось, всё больше по степям кочевал. Увидел и залюбовался, до чего красиво! Будто шлейф свадебного платья по воде стелится, весь светлячками искрится. Побежал Жираф взглядом по лунной дорожке и упёрся прямо в Луну. Вгляделся и обомлел! С Луны смотрели на него огромные голубые глаза. Вокруг глаз серебристыми бурунчиками разметалась белая грива. Ахнул от восхищения Жираф. Надо же, с Луны смотрела на него сама МЕЧТА! Та самая кобылица, которая снилась ему в праздничных снах. Ступил Жираф на лунную дорожку, чуть не утонул. Застыл тогда на берегу, будто каменный. Стоял долго-долго, пока Луна на покой не ушла и Солнце на свою дневную вахту не заступило. Вернулся в табун Жираф потрясенный. Кобылица-мать взглянула на него и сразу всё поняла

– Что сынок, МЕЧТУ свою на лунном диске увидел? – грустно вздохнула кобылица, – вот и я, только однажды, там красавца – коня разглядела. Только раз он мне показался. Потом всю жизнь забыть не могла. Всё смотрела, смотрела, так ничего и не высмотрела...

Тряхнул Жираф упрямой головой

– Ну, уж нет! Я не отступлюсь! Завтра опять пойду...

– Нарви ей, сынок, букет полевых цветов. Молодые кобылки любят, когда им цветы дарят. Нынче в степях желтые ирисы и дикие бархатцы зацвели. Вкусные, ум отъешь! Ей должно понравиться...

Так и сделал Жираф. Нарвал целую охапку, вкусно пахнувших цветов, прибежал на берег и протянул их своей голубоглазой мечте. Только вот беда – высоко Луна, не дотянуться! Подпрыгнул Жираф, ещё подпрыгнул, встал на дыбы – всё попусту! Только коричневой от бархоток и жёлтой от ирисов пылью шкурку себе испачкал. Целый месяц таскал Жираф свежие букеты, тянулся к Луне и всё без толку. Вернулся Жираф в свой табун чернее тучи. Увидела его матушка-кобылица, удивилась:

– Что это у тебя, сыночек, шея на целый вершок вытянулась? Шкурка из белой стала коричневой – жёлтой? Ты не заболел?

– Заболел! – радостно согласился Жираф. – Но ты, мать, меня обрадовала. Значит, не прошли мои хлопоты даром. Значит, смогу я до Луны дотянуться. Прости меня, родная, побегу на берег. Пока до своей мечты не дотянусь, не вернусь!

На берегу дождался Жираф Луну на небосводе и, когда с неё глянули голубые глаза, спросил:

– Как зовут тебя, красавица?

– Луни, – ответила лошадка и потупила взор. – Я – лунная лошадка, ты – земной конь никогда нам с тобой не быть вместе...

– Нет, – упрямо мотнул гривой Жираф, – я сниму тебя с Луны, чтобы мне это ни стоило...

Каждое утро бегал Жираф в степь, набирал свежих цветов для своей Луни. Много дней, месяцев, а может быть, и лет тянул Жираф шею, чтобы отдать Луни подарок. Однажды увидел, как затянулись глаза лунной лошадки плёночкой слёз, как собрались они у неё в уголках глаз в большие капли и покатались по мордочке прямо на нос, там и застыли.

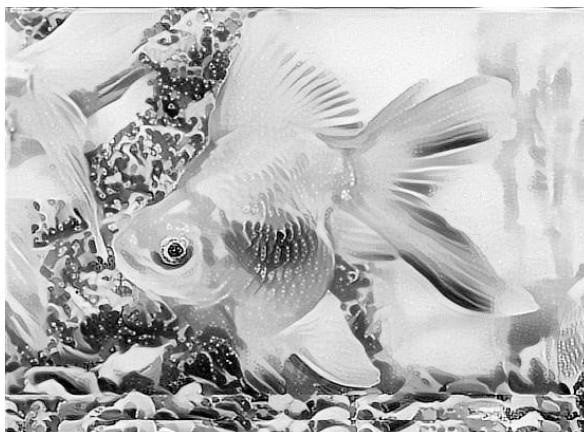
– Всё, – плача сказала Луни, – нет моих сил, больше ждать. Ухожу я!

Тогда подпрыгнул Жираф, что было сил, высоко-высоко и слизнул язычком слёзы с носа Луни.

– Да-а! – сказала мать Луна. – Вижу я, не отступишься ты, Жираф, от Луни. Беги, доченька, по лунной дорожке к своему коню. Только конь ли теперь он? Смотри, какая у него длинная шея. И шкурка не белая, как раньше, а от цветочной пылицы желто-коричневая. Не конь он теперь вовсе, а просто – жираф.

С тех пор появились на земле животные похожие на бывшего коня Жирафа, все, как один, длинношеие. Это и есть дети Жирафа и Луни.

Почему золотая рыбка не хотела быть золотой?

Родилась рыбка с простым именем Рыбёшка в далёком таёжном озере и родилась совсем не такой, какими рождались все рыбки в её семье – смирными, незаметными, серебристо-серыми. Ей бы слиться с озёрной водой и в тихой заводии прожить свою жизнь. Всю, что ей отмерено. Мальков наплодить, сколько отмеряно. Комаров съесть, сколько отмерено. Червяками, если случится, полакомиться, сколько отмерено. Кем спросите отмерено? Так судьбой! У каждого из нас своя судьба, она-то и отмеряет, будь-то человек-великан или простая серебристо-серая рыбка Рыбёшка. Иной раз мы мечтаем об одном, а получается совсем-совсем другое – это и есть судьба. Совсем как в этой истории.

Когда матушка Рыба выпустила весеннюю икру на волю, икринки разбрелись кто куда. Рыбёшкина икринка от свободы и природного любопытства поплыла наверх, к самой поверхности озера. Тут-то её и настиг солнечный лучик. Он, озорник, от Солнца прятался, что-то там набедокурил и решил время переждать, чтоб Солнце обиду забыло и на него не ворчалось. Поэтому-то хулиган в самый центр икринки Рыбёшки проник и притих. Аж до утра следующего дня в ней сидел, не шелохнулся. Как только солнечные братья-лучики Землю осветили, тогда и озорник из своего укрытия выбрался, будто никуда и не прятался. Ему-то, непоседе, всё нипочём, а вот из икринки необычный малёк вылупился – абсолютно жёлтый, ни крапинки, ни полосочки, ни загогулины.

– Слушай! – сказал ей брат, родившейся из обычной икринки, – Ты у нас золотая, что ли? Эх, тебе не повезло! Всякий рыбак тебя поймать захочет.

– Никакая я не золотая, – возмутилась от страха Рыбёшка, – я просто жёлтая!

– Золотая, золотая, – ехидно улыбаясь, не унимался брат-малёк.

Шло время, росла и рыбка Рыбёшка, превращаясь во взрослую рыбу. Однажды на ранней заре, увидев бултыхающегося в водах озера червяка, решила Рыбёшка позавтракать. Не всегда такой случай представляется, чтобы червяк свободно в воде болтался и чтобы его сразу никто ни съел. Цапнула его Рыбёшка и попала на крючок рыбака.

– Ух ты! – подумала Рыбёшка, – почему же меня никто не предупредил, что червяки на хвосте всегда крючки имеют?

Не знала тогда Рыбёшка, что предупреждать её было некому, все, кто до этого на крючки попадался, в озеро уже не возвращались. Шли сразу, напрямиком, на сковородку или в засол.

– Ух ты! – подумал рыбак, осторожно снимая с крючка Рыбёшку. – Вот счастье, золотую рыбку поймал. Теперь желание можно загадывать.

Посмотрел рыбак в глаза перепуганной Рыбёшке и сказал, отпуская её обратно в воду:

– Плыви золотая рыбка на мою удачу, хочу построить себе дачу.

– Да не золотая я! – крикнула рыбаку Рыбёшка, – просто жёлтая!

Но рыбак рыбку не услышал, не умеем мы люди слышать рыбы вопли. Умели – бы, такого понаслушались бы!

– Эй, рыбы! – закричала Рыбёшка, уплывая подальше от лодки, – Не ешьте весёлых червячков. Обман это, приманка. У них на хвостах крючки. Попадётесь, назад не вернётесь.

– А ты почему вернулась? – спросил из-под коряги Рыбёшку любопытный рак. – Почему тебя отпустил рыбак?

– Он решил, что я золотая и могу выполнить желание, – пояснила Рыбёшка, – а я не могу. Я просто жёлтая.

С тех пор рыбы в озере, завидев днище лодки, пряталась и на крючок не ловилась.

Ближе к осени вода в реке похолодала, Рыбёшка стала держаться рядом с берегом и на отмелях, где вода потеплее и лучше прогревается. Ранняя заря застала Рыбёшку почти у самого людского пляжа. На нём пока ещё никого не было. К тому же – вот необыкновенная удача, по поверхности воды плавал распотрошенный кукурузный початок, а рядом с ним множество весёлых кукурузинок. Попробовала Рыбёшка кукурузинку – понравилась! И главное, кто-то уронил почти на самое дно пластмассовую коробочку, а в ней много вкусного корма. Не торопясь завтракала Рыбёшка, аж глаза зажмурила от удовольствия. Тут – то она опять и попалась. Проглядела крючок. Со звоном колокольчика, оповестившего удильщика о зазевавшейся рыбе, полетела Рыбёшка прямо в руки рыбаку, схоронившемуся здесь же на пляже.

– Ух ты! – воскликнул рыбак, осторожно снимая с крючка Рыбёшку, – вот счастье – золотую рыбку поймал. Теперь желание можно загадывать.

Посмотрел он в глаза перепуганной Рыбёшке и сказал, отпуская её обратно в воду:

– Плыви, золотая рыбка, не плачь! Хочу, чтобы у меня был калач, да не один, а много-много. Помоги мне прикупить пекарню.

– Да не золотая я! – крикнула рыбаку Рыбёшка, – просто жёлтая!

И опять не услышал её рыбак. Мечтами о будущей пекарне был занят.

– Эй, рыбы! – закричала Рыбёшка, уплывая подальше от берега, – Не ешьте дармовую еду. Обман это – приманка. Не бывает еды без труда. Попадётесь, назад не вернётесь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.